Автор выражает благодарность
Национальному книжному центру
за поддержку в написании этой книги.

Нет лицея лучше, чем лицей Богоматери Нильской. И лицея выше тоже нет. «Две с половиной тысячи метров», — гордо заявляют белые учителя. «Две тысячи четыреста девяносто три», — поправляет учительница географии сестра Лидвина. «Под самыми небесами», — молитвенно сложив ладони, шепчет мать-настоятельница.

Учебный год приходится на сезон дождей, и лицей часто скрывается за тучами. Иногда небо проясняется, но это бывает редко. Тогда внизу синеватой светящейся лужицей виднеется озеро.

Лицей предназначен только для девочек. Мальчики остаются учиться внизу, в столице. Лицей для девочек построили специально так высоко, так далеко, чтобы изолировать их, уберечь от зла, от искушений большого города. Потому что барышень из лицея ожидают блестящие партии. И надо, чтобы они подошли к замужеству девственницами, если только до того не забеременеют. Лучше пусть будут девственницами. Замужество — дело серьезное. Пансионерки лицея — это дочери министров, высоких военных чинов, бизнесменов, богатых коммерсантов, для

которых замужество дочери — политика. Девочки гордятся этим: они знают себе цену. Времена, когда в цене была одна красота, ушли далеко в прошлое. И в виде выкупа их родные получат не только традиционных коров и кувшины с пивом, нет, там будут еще и чемоданы, наполненные банковскими билетами, и солидный счет в банке «Бельголез» в Найроби, в Брюсселе. Благодаря этому их семья обогатится, клан станет еще могущественнее, а племя — еще влиятельнее. Да, они знают себе цену, эти барышни из лицея Богоматери Нильской.

Лицей находится совсем рядом с Нилом. С его истоком, конечно. Чтобы попасть туда, нужно пройти каменистой тропой вдоль гребня. В конце тропы — насыпная площадка, на которой иногда стоят «Лендроверы» редких туристов, добирающихся до этих мест. На табличке значится: «Исток Нила — 200 метров». Крутая тропинка ведет к осыпи, где между двух камней сочится тонкая струйка воды, которая сначала собирается в небольшой цементной чаше, а затем переливается крохотным водопадом в почти незаметный желобок, быстро теряющийся в траве и древовидных папоротниках, растущих в долине. Справа от источника сооружена пирамида, на ней надпись: «Исток Нила. Миссия Кокка, 1924». Пирамида невысокая: лицеистки без труда достают до ее выщербленной вершины. Это приносит счастье, говорят они. Но лицеистки приходят к источнику не за этим. Для них это не прогулка, не экскурсия, а паломничество. Между возвышающихся над источни-

ком скал в гроте стоит статуя Богоматери Нильской. Правда, это не совсем грот, а навес, построенный из железных листов. На постаменте выбиты слова: «Богоматерь Нильская, 1953». Установить здесь статую решил монсеньор апостольский викарий. Король получил от святого понтифика разрешение посвятить страну Христу Вседержителю, а епископ соизволил посвятить Нил Богоматери.

Церемонию открытия статуи вспоминают до сих пор. Сестра Кизито, старая кухарка, еле передвигающая ноги, присутствовала на ней и каждый год рассказывает об этом новым ученицам. Да, то была красивая церемония, такие можно увидеть в столице, в церкви на Рождество или на стадионе, в день национального праздника.

Министр-резидент прислал вместо себя представителя, но глава администрации прибыл лично в сопровождении эскорта из десяти солдат, один из которых нес горн, другой — бельгийский флаг. Присутствовали вожди и младшие вожди местных и соседних племен. Их сопровождали жены и дочери с высокими, украшенными бусами прическами, танцоры, которые потрясали своими гривами, словно отважные львы, но главное — стада коров иньямбо с длинными рогами, увитыми гирляндами цветов. Шумная толпа крестьян покрывала склон. Белые из столицы не рискнули ступить на опасную тропу, которая вела к истоку. Только господин де Фонтенайль, владелец кофейных плантаций, заехал по-соседски

и сидел рядом с главой администрации. Стоял сухой сезон. Небо ясное. Вершины чистые от пыли.

Ждали долго. Наконец на тропе, идущей вдоль гребня, показалась черная линия, послышались молитвы и гимны. Мало-помалу стало видно, что это монсеньор апостольский викарий, которого можно было узнать по митре и посоху. Ни дать ни взять один из волхвов, как на картинках, которые показывают на уроках Закона Божьего. Следом шли члены миссии в пробковых шлемах на головах — как ходили все белые в ту пору, только эти были с бородами и одеты в длинные белые балахоны с крупными четками на шее. Стайка ребят из Легиона Марии[1] усыпáла тропинку лепестками желтых цветов. Затем появилась Богоматерь. Четыре семинариста в шортах и белых рубашках несли ее на плетеных бамбуковых носилках, на каких обычно переносят новобрачную в новую семью или покойника к месту последнего пристанища. Мадонну скрывало сине-белое покрывало. Позади нестройной гурьбой шло «туземное духовенство», за ним, неся впереди свой стяг и желто-белое знамя папы римского, растянулась группа учащихся воскресной школы, резвившихся на склонах, невзирая на палки воспитателей.

Процессия достигла долины, где бил источник. Паланкин с мадонной, по-прежнему скрытой покры-

---

[1] Легион Марии (*лат. Legio Mariae*) — международное католическое движение мирян, ставящее перед собою цель проповедовать Евангелие всем народам. Основан в Дублине в 1921 г. (*Примеч. пер.*)

валом, опустили на землю рядом с ручейком. Глава администрации встал перед монсеньором и по-военному отдал ему честь. Они обменялись несколькими словами, кортеж тем временем расположился вокруг источника и статуи, которую водрузили на небольшой помост. Монсеньор и два миссионера поднялись на пять ступенек и встали там же. Епископ благословил толпу, потом, повернувшись лицом к статуе, прочитал на латыни молитву, слова которой повторяли за ним оба священника. Затем по знаку епископа один из служивших ему резко сдернул со статуи покрывало. Заиграл горн, знаменосец наклонил стяг. По толпе пробежал гул. Долина наполнилась радостными возгласами женщин, танцоры загремели прикрепленными к щиколоткам бубенцами. Представшая взорам Богоматерь походила, конечно же, на Богоматерь Лурдскую — такая же стояла в храме миссии: то же синее покрывало, тот же лазурный пояс, то же желтоватое платье. Только Богоматерь Нильская была черной: у нее было черное лицо, черные руки, черные ноги. Богоматерь Нильская была чернокожей, африканкой, руандийкой. Ну и что? Почему бы нет? «Это Изида! — воскликнул господин де Фонтенайль. — Она вернулась!»

Энергично помахивая кропилом, монсеньор апостольский викарий освятил статую, источник и толпу. Затем он произнес проповедь. В ней не все было понятно. Он говорил о Святой Деве, которая отныне будет называться Богоматерью Нильской. Он сказал: «Капли этой святой воды смешиваются с во-

дами рождающегося здесь Нила, так же смешаются они и с водами иных рек, которые сольются в один великий поток, и он пройдет через озера и болота, прокатится через водопады, победит пески пустынь, напоит кельи древних монахов, достигнет подножия удивленного сфинкса, и таким образом эти освященные капли, милостью Богоматери Нильской, дадут Святое Крещение всей Африке, а та, став христианской, спасет этот гибнущий мир. И я вижу, да, вижу толпы паломников всех национальностей, которые потянутся к нам в горы, чтобы возблагодарить Богоматерь Нильскую».

Вождь Кайитаре тоже вышел к помосту, подозвал свою корову Рутаму, которую собирался преподнести в дар новой королеве Руанды, и принялся расточать похвалы обеим, говоря, что благодаря им молоко и мед будут всегда в изобилии. И снова в знак одобрения раздались радостные возгласы женщин и звон бубенцов.

Через несколько дней пришли рабочие и оборудовали между двумя большими камнями над источником площадку, на нее поставили статую и соорудили над ней навес из железных листов. И только потом в двух километрах от этого места был построен лицей. Как раз после обретения независимости.

Возможно, монсеньор надеялся, что освященная вода источника станет чудотворной, как в Лурде. Но ничего такого не случилось. Только Кагабо, целитель или отравитель, это как кому нравится, набирает ее в черные кувшинчики в форме бутылочной тыквы.

Он замачивает в них коренья подозрительной формы, истолченную в порошок змеиную кожу, пучки волос мертворожденных младенцев, высушенную кровь первых девичьих месячных. Всем этим можно вылечить, а можно и убить. Смотря по обстоятельствам.

В течение долгого времени фотографии церемонии открытия статуи Богоматери Нильской украшали длинный коридор, служивший приемной для посетителей и родителей учащихся, пришедших на прием к матери-настоятельнице. Сейчас остался лишь один снимок, на котором монсеньор апостольский викарий освящает статую. От остальных на стене за жестким деревянным диваном без подушек, на который несчастные ученицы, вызванные для разговора ужасной матерью-настоятельницей, не осмеливались даже присесть, остались едва заметные бледные прямоугольные следы. Однако фотографии сохранились. Их обнаружили однажды Глориоза, Модеста и Вероника, когда им поручили очистить от пыли чулан в самом конце библиотеки, где были свалены архивы. Там, под грудой старых газет и журналов («Киниаматека», «Куререра Имана», «Друг», «Большие озера») они и увидели пожелтевшие и покоробившиеся фотографии, некоторые еще под треснутым стеклом. Там было фото главы администрации, отдающего по-военному честь перед статуей, в то время как позади него солдат склонил бельгийское знамя. Были также фото танцоров инторе, немного смазанные, потому что незадачливый фотограф ре-

шил заснять их прямо во время мощного прыжка, отчего их сизалевые гривы и леопардовые шкуры получились как бы в призрачном ореоле. А еще там была фотография вождей с женами при полном параде. Бóльшая часть персонажей были жирно перечеркнуты красными чернилами, а некоторых полностью закрывал черный вопросительный знак.

— Фотографии вождей пострадали от «социальной революции», — со смехом сказала Глориоза. — Вжик-вжик — сначала ручкой, потом тесаком — и нет тутси.

— А те, на ком стоит знак вопроса? — спросила Модеста.

— Этим, должно быть, удалось сбежать, увы! Но теперь, где бы они ни были, эти великие вожди, в Бужумбуре или Кампале, у них больше нет коров, да и спеси тоже поубавилось, и пьют они простую воду, потому что теперь они изгои. Я возьму эти фото. Отец скажет мне, что это за господа.

А Вероника подумала, когда, интересно, она тоже окажется зачеркнутой красными чернилами на классной фотографии, которая делается в начале каждого учебного года.

Май — месяц Марии. В мае учащиеся лицея Богоматери Нильской идут в большое паломничество. День паломничества — длинный и прекрасный. В лицее к нему готовятся заранее. Все молятся, чтобы небо смилостивилось. Мать-настоятельница и духовник отец Эрменегильд объявляют девятидневный

молитвенный обет. Все классы, попеременно сменяя один другой, молятся в часовне Святой Деве, чтобы она разогнала в этот день облака. Вообще-то в этом нет ничего невозможного: в мае дожди идут уже не сплошняком, ведь вот-вот наступит сухой сезон. Брат Ауксилий (это он копается обычно в масляных внутренностях дизель-генератора и в моторах обоих грузовичков, на которых возят провизию, поносит на гентском диалекте механиков и шоферов, играет на фисгармонии и руководит хором), так вот, брат Ауксилий целый месяц разучивает с ученицами гимны, сочиненные им в честь Богоматери Нильской. Преподавателей-бельгийцев и трех молодых французских специалистов убедительно просят участвовать в церемонии. Последним мать-настоятельница конфиденциально намекнула, что им будет пристойнее надеть костюмы и галстуки, которые больше приличествуют этому торжественному дню, чем штаны из грубой ткани, называемые ими джинсами, и что она очень рассчитывает на то, что своим почтительным поведением они покажут хороший пример ученицам. Сестра-экономка, постоянно звенящая огромной связкой ключей, висящей у нее на поясе, уже отобрала для пикника в кладовой банки с консервами: тушенку, сардины в масле, конфитюры, консервированные макароны с сыром. Это дело заняло у нее добрую половину ночи. Она отсчитала нужное количество ящиков с апельсиновой фантой для учащихся и несколько бутылок «Примуса», предназначенных духовнику, брату Ауксилию и отцу Анджело, мона-